

Неистовый Виссарион и его эпоха

М. НЕЧКИНА

Белинский был подростком-школьником, когда загремели пушки на Сенатской площади, разбудившие целое поколение. Он умер, когда на Западе бушевала революция 1848 года. Период его деятельности не занимает и двадцатилетия, но созданное им живет целое столетие и будет жить дальше.

Белинского невозможно понять, не восстановив его живых связей с породавшей его эпохой, на которую и он сам оказал могучее воздействие. Между тем, Белинский в научной и популярной литературе нередко рисуется, как революционный демократ вообще, патриот вообще, великий критик и литературовед вообще, с отломанным историческим корнем. Такую абстрактную фигуру легко можно перекинуть вперед или назад по историческим десятилетиям.

В тридцатые и сороковые годы XIX века, к которым относится творчество Белинского, основной исторической задачей общественного движения оставалась борьба с крепостным правом и самодержавием. Но бороться против врагов по-старому уже было невозможно. Это доказали декабристы на своем горьком опыте. Декабристам на Сенатской площади не хватало народа. Величайшей трудностью борьбы для того поколения, к которому принадлежал Белинский, было отсутствие в 30—40-х годах в России революционной ситуации, слабость массового революционного движения. Кроме того, борьбу осложняло отсутствие в то время в России революционной организации, которая притягивала бы к себе лучшие живые силы России. После разгрома декабристского движения еле заметная искорка вспыхнула было в 1827 году в Москве, в кружке братьев Критских, но была легко затоптана жандармским сапогом. Та же участь постигла сунгуровский кружок в 1831 году.

И, наконец, третьей трудностью для борьбы был николаевский режим. Реакционная идеология, плотно и прочно пригнанная ко всей репрессивной системе, стала важной и тщательно разработанной организационной ее частью. Это была своеобразная черта николаевской реакции. Поскольку революционеры хотели опереться на народ, казенная идеология, известная под именем «теории официальной народности», доказывала, что на русский народ возлагать надежды нечего, он якобы исконно паразитичен. Привык к крепостному праву и в помещике видит отца родного. Эту теорию тонко разработали весьма образованные и сведущие люди — министр Уваров, который не только прочел всех классиков, но даже говорил по-латыни, красноречивый профессор Московского университета Шенников, профессор Погодин, самой своей фигурой антиреволюций за «истинность» казенной реформы, — он сам был из крепостных крестьян, но всецело предан самодержавию. В художественной литературе старались во-всю Булгаков, Греч, Кукольник, Сенковский.

Правительство владело обширной и разветвленной агитационной системой, дальние концы которой уходили в сельскую школу, к амволу деревенской церкви, к абажуре, через все виды учебных заведений, тиснутой официальной столбчатой газете, к университету, к министерству просвещения и святейшему синоду. Эта успешная пропаганда реакционной идеологии не была случайной. Она зависела от нового в русской действительности.

Вокруг Белинского уже не старая декабристская Россия. Когда Белинскому было три года, в России насчитывалось 3,371 фабрика, а через несколько лет после его смерти, в начале 50-х годов, их было уже 9,994. В 1804 году в России 27,5 проп. рабочих были вольнонаемными, а к половине XIX века их было уже свыше 80 проп. Однако, все эти цифровые данные остаются мертвым грузом в расклате о Белинском, если не переключить их на язык человеческой судьбы.

Судьба многих сыновей перестала повторять судьбу отцов: разрывался круг патриархальной сословной замкнутости, происходили глубокие подспудные перемещения, сын не хотел пахать то же самое поле, которое пахали на бабину под крепостным бичом его отца, деды и прадеды. Немало крестьянских сыновей, не желая повторить в своей биографии отцовскую и родовую жизнь, законно или незаконно, с паспортом или без паспорта, стремились в город на заработки. Возрастало число вольнонаемных людей, пробивавшихся к новой жизни через шель трававшего крепостнического знания. Попович сын стучался в двери университета, сын забытого папками кантониста выбивался в казенные списки, мещанский сын делался счетоводом в котором по строительству железной дороги, сын дьячка становился учителем в школе, разорившийся дворянин вместе с сыном портового преступника порог Технологического института, купеческий сын все чаще садился на скамью университетской аудитории, сын пономаря становился лекарем, а лекарь сын мечтал стать знаменитым писателем.

Разночинецы вступали в историю. Они численно возрастали, множилось, вызывая в жизни развитие капиталистических форм хозяйства, разлагавших феодально-крепостной строй старой сословной России. Через своих отцов и дедов они связаны были тысячами нитей с заветным русским крестьянством. В этом был элемент нового в жизни России. В 1829 году в жаждавшей знания разношерстной веренице, тянувшейся по Моховой к зданию Московского университета, шел и худенький, болезненный белокурый юноша, сын лекаря — Белинский Виссарион.

Студенческая его драма «Дмитрий Калинин» говорила о страстной ненависти к крепостному праву.

Белинского исключили из университета именно за эту пьесу, которую юноша называл дал университетскому начальству, думая убедить его в правоте своих воззрений. Белинский исключался «по слабому здоровью и при том по ограниченности способностей».

Обычно история жизни Белинского, сказав после этой цитаты несколько выразительных слов по адресу критикима университета, останавливается, двигается дальше. Но целесообразно на минуту задержаться.

жаться и уяснить себе историческую обстановку момента, чтобы понять настоящий смысл резолюции.

Уже со времен декабристов Московский университет тревожил высшие власти, как гнездо крамолы: после казни декабристов дерзкий студент Московского университета Полежаев написал свободомыслию и безбожеству поэму «Сашка» и был сослан Николаем в солдаты (1826). В следующем, 1827 году — дело братьев Критских, тесно связанных с Московским университетом. А в 1831, сейчас же после июльской революции, польского восстания и начавшихся холерных бунтов, раскрытие сунгуровского кружка, также связанного с университетом, — это было уж совсем тревожным: речь шла о вооруженном восстании. Двоих — Сунгурова и Гурова — суд приговорили к четвертованию, — той же казни, что Степана Разина, девяти других — к повешению, одного — к расстрелу. Двенадцать смертных приговоров. Средневековая сентенция пошла на утверждение к Школову, который лишь в феврале 1833 года заменил смертный приговор каторгой. Можно себе представить состояние университетского начальства в промежуток между приговором суда и парским решением. И вот именно в эти дни студент Белинский принес начальству своего «Дмитрия Калинин»... Утлая всю эту историческую ситуацию, можно понять, почему Белинский вернулся от начальства белый, как мел, и бросился на кровать, повторяя: «Погиб... погиб... Вероятнее всего предположить, что быстрым исключением крамольного студента из университета начальство спасало себя, спешило отвести от себя новую грозу царского гнева.

Тесная связь Белинского того времени с миром студенческих кружков общезвестна. Основатель литературного общества «одинадцатого номера», связанный и с философским кружком Станкевича, он жадно учится.

Исключенный студент занялся литературной работой. В 1834 году в журнале «Молва» появилось большое произведение, печатавшееся из номера в номер — «Литературные мечтания», произведение, проникнутое высоким оптимизмом и верой в творческие силы народа. За два года до знаменитого чаадовского письма на всю Россию прозвучал звонкий, молодой тревожный голос, протестующий против казенной народности. Это был голос Белинского. Он высмеивал Булгакова, Греча и «великого» Кукольника — громко протестовал против разрыва образованного общества с народом.

Слово молодого критика смело зазвучало, несмотря на все препоны и рогатки цензуры. Кружки вели важную работу, но она развивалась в замкнутом, малочисленном кругу, а журналистская статья Белинского зазвучала на всю Россию, — в этом и было истинно новое отличие. Журнал стал трибуной передовой мысли.

Белинский глубоко работал над философскими проблемами. В центре его исканий был основной вопрос — правильное понимание действительности, бытия. Белинский вник в последние явления идейной жизни своего времени, вступил в орбиту самой огромной работы новые философские системы Фихте, Шеллинга, Гегеля, эстетические теории, художественные явления. Все богатство идейной жизни той эпохи прошло через самостоятельную работу этого светлого русского ума. На пути своего быстрого развития Белинский пережил тяжелую болезнь роста. Жажда иметь цельное философское мировоззрение обогнала процесс плейного созревания, напряженной мыслительной работы. Гегельянский тезис о разумности всего действительного и действительности всего разумного поража Белинского. Отсюда — логический разрывал он свою мысль — надлежит признать разумность существующего строя. И он насильно покорил себя этой «логике». Чувственное самодержавие с этих позиций выглядело как злое и благостное, ибо существовало, принадлежало бытию.

Казаось бы, примирившись с действительностью человек должен был чувствовать себя спокойно, но не тут-то было: жадная к истине мысль автора «Дмитрия Калинин», «Литературных мечтаний» никак не хотела «примириться». Ему было плохо, — многочисленные и длиннейшие его письма к друзьям полны этих признаний: «Я нахожусь в какой-то апатии...» «...Страдаю, даже тяжело страдаю...» «...Никогда жизнь не была мне таким мучением...» «...Делю... как женой труп...» «В душе холод, апатия, лень, необходимость, вижу, что я просто — дрян, дрян и дрян, чуть ли не кандалы в Шенников...» Хорошо «примирение»? Все было полно противоречий, и пылкий ум бушевал над ледяной корой искусственного «примирения», как весенний ручей, пробивав себе путь к выходу.

Белинский и в эти годы остается жарким противником крепостного права, надеется, что оно отомрет в самом скором времени, а дворянство благополучно «здыхается».

Белинский сам дал точное название этому тяжелому для него времени. «А это насильственное примирение с гнусною расейской действительностью...» — писал он Боткину 11 декабря 1840 года. Необходимо, мне кажется, отказаться от почему-то приятного и поточного термина «примирение с действительностью». Надо ввести именно то выражение, которое принадлежит самому Белинскому: «насильственное примирение с действительностью». Напрасно некоторые юбилейные статьи стилизовано замалчивают этот период, — победа над «примирением» говорит о великой духовной силе Белинского.

Белинского исключали от «примирения» тяжелая действительность.

Осенью 1839 года он переехал в Петербург и тут воочию увидел подлинное лицо самодержавия. Огромная бездушная машина паризма в Петербурге была виднее. Все даровитое находилось в «позорном безделье», всюду роль играли «полицейские и должностные посредственности». «В Питер бы вас, дураков — там бы вы поумнели, там бы вы узнали, что такое российская действительность», — писал Белинский

Боткину в феврале 1840 года. Жаркие споры с приехавшим в Петербург Герценом также помогли Белинскому вырваться от «примирения». Белинский прокинул это примирение и жадно высмеял философский колпак Егора Федоровича Гегеля.

С этих пор закипела страстная борьба Белинского против реакционного гегелянства, борьба, которую он неустанно продолжал всю жизнь и которая одна завоевала бы ему самое почетное место в истории русской философии.

Правильные философские позиции помогли Белинскому глубоко понять общественное значение русской литературы, обличить смертный бой ложной теории искусства для искусства, уловить, раскрыть и показать широкой массе новых выбивавшихся из низов читателей, реалистическую линию великой русской литературы. Он объяснил великое значение Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Герцена. Белинский раскрыл глубокий смысл образов Гоголя, высмеившего крепостников Собакевичей, Коробочек, Маниловых и затхлый чиновничий мир российской бюрократии, выведенный им в «Ревизоре». Великий год великого критика громко звучал на всю Россию с трибуны «Отечественных записок». В стране, где был разгромлен революционный центр, где еще не создалось нового, где отсутствовала революционная ситуация и даже лучшие люди из революционеров-дворян испытывали пессимистические настроения «лишнего человека», — Белинский централизовал общественные движения. Он воспитывал кадры будущих деятелей и тем самым готовил будущий взлет революционного движения. Его статьями зачитывался студент Петербургского университета Николай Чернышевский и молодой семинарист в Нижнем-Новгороде — Николай Добролюбов. Белинский воспитал Некрасова: «Учитель! перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!», — писал великий поэт-демократ.

Было бы величайшей ошибкой считать наименование различное равносильным повстанью — революционер-демократ. Можно отчетливо различить две струи в составе разношерстного слоя: одну революционную, демократическую, давшую России Белинского, Чернышевского, Добролюбова, и другую, консервативную, узко мещанскую, почва прямо и открыто реакционную, давшую Погодина, Юркевича и их соратников. Две души жили в груди разночинца — душа угнетенного трудового человека, восставшего против произвола, и узко мещанская приспособленческая душа. Самодержавный строй, нуждавшийся в мелком бюрократическом чиновничьем слое, выделял немало скромных, но теплых местечек в своем аппарате для разношестер, которые могли идти и до личного дворянства. «Дал чин ассессора и взял в секретари!» В Москву переведен через мое содействие! — кричал Фамусов Молчалину (чин ассессора давал личное дворянство).

Надо было повести борьбу за завоевание козлыбного слоя разношерстной молодежи, стоявшей на распутии: куда идти — к чиновничьему мещанскому бытию, каватирке, графинчику, гитаре на стене, бескровному пирогу после обеда — или в кружок молодежи, жадно читающей «Отечественные записки».

Будучи социалистом по убеждениям, хотя и не идя еще до научного социализма, Белинский воспитывал все возрастающий круг своих читателей в невинности к порабощению, в «предастности интересам трудового человека. Социализм был его «идею идей и бытием бытия». Он полагал, что нет ничего выше и благороднее, чем способствовать приближению социализма. «Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тынешь в сравнении с унижением и страданием миллионов!» «Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мое одному из тысяч!» Так писал Белинский-демократ, предвещавший русской революционной социал-демократии.

Можно себе представить, каким страданием было для Белинского чтение только что выпущенной книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Это была открытая проповедь казенной «народности». И она — эта реакционная проповедь — исходила из уста любимейшего писателя России.

Со всей силой своего таланта, со всей страстью глубокого убеждения Белинский выступил против Гоголя.

Белинский доказывал, что народ — творческая историческая сила. Освобождение народа от крепостного права, уничтожение этого ярма освободит гнилые народные силы. «...Россия выпит свое спасение не в мистичизме, не в пугае, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!)... а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства...» Белинский хотел спасти Гоголя от идейного падения и гибели, возродить в нем творческую силу, заставить понять — к краю какой пропасти он подошел. Письмо Белинского к Гоголю является подлинным манифестом нового поколения, идущего к революционной борьбе. Вместе с тем оно волнует, как документ самой высокой и подлинной дружбы.

Чернышевский в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы» в силу цензурного запрета скрыл имя Белинского под прощальным названием «автора статей о Пушкине», он сказал прощально, что автор этот отдал жизнь «сажанию на пользу родной страны, без страха и лицеприятия. Любовь к родине, мысль о благе ее оушествляла каждое его слово, — и только эти страстными увлечением объясняется и непреклонная неутомимая энергия его деятельности и его неуменьственное влияние на публику и литературу».

Белинского-революционера, агитатора за новое, воспитателя смены революционных борцов, отставшего жизнь народу, объяснявшего ему величие и силу родной литературы, пробуждавшего — в тяжелое и трудное время — сконные самодержавия и должностные посредственности. «В Питер бы вас, дураков — там бы вы поумнели, там бы вы узнали, что такое российская действительность», — писал Белинский

Библиография
о Белинском

Научность содержания и популярность изложения — качества, далеко не всегда встречающиеся вместе. Выпущенная Библиотекой им. В. И. Ленина новая библиографическая работа о Белинском отличается обилием этими свойствами. Составители не только отобрали лучшие издания сочинений Белинского, но и ознакомили читателей с обширной литературой о великом революционере-демократе.

При этом они не ограничили перечень наиболее ценных книг и статей, а снабдили его пространными критическими аннотациями, отмечая недостатки каждой работы и указывая читателю пути наиболее рационального их использования.

Собственная библиография некоторая сущность в новом справочнике совершенно отсутствует. Указатель читается, как монография о Белинском, как страница из истории русской литературы.

Указатель состоит из девяти разделов: В. И. Ленин и И. В. Сталин о Белинском, С. М. Киров, М. И. Калинин и А. А. Жданов о великом русском демократе, даты жизни и творчества Белинского, основные издания его сочинений, основные произведения Белинского, труды об эпохе Белинского, литература о его жизни и творчестве, библиографические работы, высказывания о Белинском русских писателей, критиков и публицистов.

Весь материал этих разделов расположен в хронологическом порядке. Это дает историческую перспективу, столь необходимую при изучении творчества писателя, отдаленного от нас многими десятилетиями.

Указатель предназначается для преподавателей, лекторов, библиотечек и широких кругов советской интеллигенции, но и литературоведы найдут немало интересного и в очерке истории издания сочинений Белинского, и в разделе «Новые публикации». Изучающие Белинского не раз воспользуются приложением в конце книги «Алфавитным указателем основных произведений Белинского», в котором сообщается, когда, в каком журнале были впервые опубликованы та или иная статья критика и в каких томах главнейших собраний его сочинений она была напечатана впоследствии.

С большим удовлетворением следует отметить, что в справочнике мы находим новые книги и статьи о Белинском, вышедшие даже в текущем году.

Н. МАЦУЕВ

Рукописи и редкие книги

На выставке

в Ленинской библиотеке

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина на днях открылись две выставки, посвященные жизни и деятельности В. Г. Белинского. Одна из них даст представление о биографии и литературно-общественной деятельности великого критика, другая — иллюстрирует отдельные этапы жизни и творчества Белинского ценнейшими материалами, хранящимися в отделах рукописей и редких книг Ленинской библиотеки. Многие экспонаты выставляются впервые.

Посетители ознакомились здесь с письмами Белинского к родным и друзьям — Боткину, Гоголю, Аксакову, с автографами литературно-критических статей Виссариона Григорьевича, первыми изданиями произведений его современников — классиков русской литературы. Здесь будут экспонированы редкие книги, иконография и журналы 1830—40-х годов, связанные с именем великого русского революционера-демократа.

Изобразительные материалы выставки тесно связаны с биографией великого критика. Виды Пензы, Москвы, Петербурга эпохи Белинского даны в литографиях с рисунком художников того времени.

Новое о великом критике

К столетию со дня смерти Белинского Институт литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) подготовил к печати два тома «Литературного наследия», посвященные великому русскому революционеру-демократу и критику. (Редакторы издания — недавно умерший академик П. Лебедев-Полянский, И. Зильберштейн и С. Макашин.)

Работы историко-литературного и теоретического характера сочетаются в двухтомнике с разнообразными публикациями новых документальных материалов.

Выявить с позиций марксистско-ленинского литературоведения историческую роль Белинского и определить значение его творческого наследия для нашей социалистической культуры — такова задача публикуемых в первом томе статей: И. Сергеевского «Борьба за наследие Белинского», Д. Заславского «К вопросу о политическом завещании Белинского», А. Лаврецкого «Мировое значение критики Белинского» и Б. Бурсова «Пеханов и Белинский».

Остальные статьи первого тома посвящены разработке отдельных важнейших проблем, связанных с историко-литературной и теоретической деятельностью великого критика. Здесь печатаются работы М. Азодовского «Белинский и русская народная поэзия», П. Беркова «Белинский и классицизм», Д. Гинзбург «Белинский в борьбе с романтизмом идеализмом», Б. Мейлаха «Белинский о Пушкине», Н. Мордовченко «Белинский в борьбе за натуральную школу» и Г. Фридендера «О теоретико-литературных работах Белинского».

В разделе, озаглавленном «Из литературного наследия Белинского», печатается 27 ранее не известных статей, рецензий и заметок критика. Среди них и недавно найденная автографическая рукопись Белинского «Рассуждение о воспитании» и тексты, извлеченные из различных изданий, где они были напечатаны анонимно. Принадлежность этих текстов Белинскому устанавливается впервые (публикации К. Богачевской, В. Жирмунского, Л. Капана, Ю. Масанова, С. Матинского, Э. Найдича, М. Полякова, Н. Соколова, В. Спиридонова).

В разделе «Из неопубликованных переписки Белинского» опубликованы два неизвестных письма к М. Куртге и П. Кузнецову, в которых критик резко отрицательно отзывался о шеллингианстве, и три неизвестных до сих пор писем Грановского и Станкевича, адресованные Белинскому (публикации М. Барановской, Н. Мордовченко, В. Сорокина и Н. Эфрос).

Весьма ценным источником для исследовательской работы является сделанное Л. Капаном описание книг библиотеки Белинского, кулениной после смерти критика И. С. Тургеневым и ныне хранящейся в музее его имени в г. Орле.

Заканчивается первый том незавершенной последней работой академика П. И. Лебедева-Полянского, посвященной Белинскому.

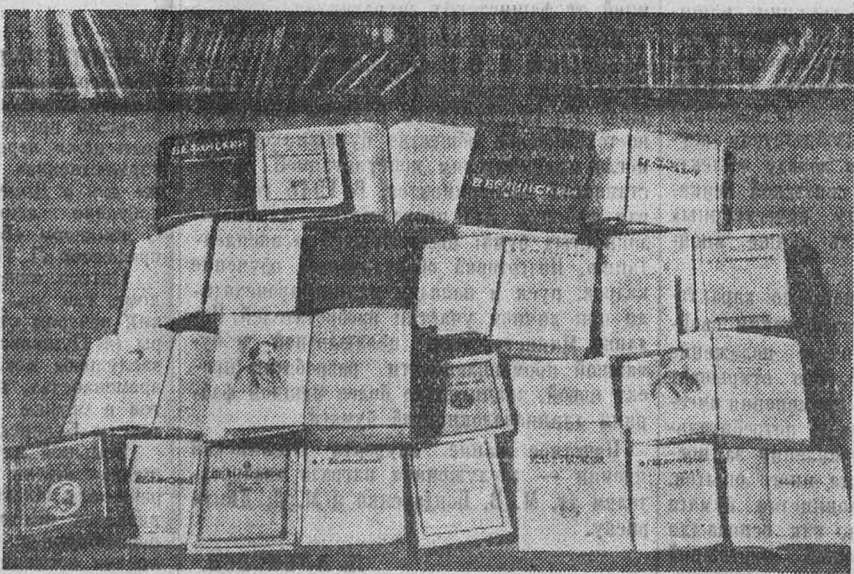
Второй том открывается публикациями документальных материалов и научных разысканий, относящихся к южной поре в жизни Белинского (Е. Берштейн, Н. Мордовченко, М. Поляков, В. Сорокин и др.). Здесь печатаются обширная неизданная переписка Белинского с родными, охватывающая 1829—1835 годы, разнообразные материалы, относящиеся к пребыванию Белинского в Московском университете, жанрские донесения о его связи с революционно настроенными студенческими кружками, цензурные документы о «Дмитрии Калинин», характеризующие демократические и антикрепостнические настроения молодого автора. В частности, здесь печатаются отзывы цензора Московского цензурного комитета Льва Цветаева, начинающийся словами: «По назначению Комитета читал я рукопись под заглавием «Дмитрий Калинин, драматическая повесть» и нашел в ней множество противного религии, нравственности и российским законам».

Биография зрелого Белинского обогащается рядом новых фактов, содержащихся во впервые публикуемых воспоминаниях о нем М. Погодина (особенно ценны здесь сведения об отношении Пушкина к Белинскому) и в многочисленных (более 80) письмах современников, (публикации Н. Соколова, Я. Черныча и др.).

До сих пор мы не располагали точным текстом письма Белинского к Гоголю от 3/15 июля 1847 года — документа, который был признан Лениным «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати». Организационные редакции «Литературного наследия» специальные архивные разыскания позволили выявить 13 копий записки Белинского к Гоголю (до сих пор было известно лишь три). Обследование всех списков помогло установить редакцию письма, максимально близкую к утраченному оригиналу. Эта редакция печатается во втором томе с приведением вариантов всех остальных 12 списков.

Здесь же, в приложении, публикуются С. Брейтбург пометки Л. Н. Толстого на полях принадлежавшего ему отдельного издания «Письма Белинского к Гоголю».

Много интересных данных из биографии и литературной деятельности Белинского содержит отдел сообщений (Белинский и Чаадаев, Белинский и Кольцов; принятые публикации статей Белинского за границей; цензурные и жанрские материалы о Белинском и др.). Том завершается научным описанием всех сохранившихся рукописей Белинского, за исключением писем, публикацией ряда извлеченных из этих рукописей новых текстов и составленным К. Богачевской полным библиографическим указателем литературы о Белинском за 1900—1948 годы.

Советские издания произведения В. Г. Белинского